

УДК 811.161.1

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ТЕКСТ

**С.Ю. Нагорная
И.А. Нагорный**

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
nagornyy@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются способы вербализации в сочинениях старообрядцев значимых для русской языковой картины мира культурных констант «раскол» и «странничество», организующих онтологическую концептосферу носителей языка, формирующих личность и характер отношений человека к окружающей действительности, а также нормы поведения человека в обществе.

Ключевые слова: старообрядцы, текст, языковая картина мира, концепт.

Понятие «старообрядчество», появившееся после раскола Русской православной церкви в середины XVII века, неотделимо от понятий «русская языковая картина мира» и «русская национальная картина мира». Старообрядческий текст как репрезентант данных сфер важен как данность, в которой отражаются важные культурные концепты, мировидение человека, связь человека с окружающей его действительностью.

Старообрядчество представляет собою традиционный этноязыковой дискурс, в котором отсутствие секуляризации способствовало непрерывной аккумуляции духовного опыта нации. Анализ взаимодействия традиционности и новаций в данном дискурсе представляется особенно актуальным в период глобализационных и интеграционных процессов в современном мировом пространстве, так как при этом обостряются проблемы национальной идентификации, этнического самосознания и самобытности.

Языковая картина мира как способ восприятия действительности и ее отражения, выражается непосредственно в номинации и эксплицитности в языке определенных языковых средств.

Для одного из влиятельных старообрядческих согласий – старообрядцев-странников – абстрактные имена, вербализующие ключевые концепты русской культуры «раскол» и «странничество», являются наиболее прецедентными. Данные концепты участвуют в организации онтологической концептосферы старообрядцев как носителей языка, в формировании характера отношений человека с окружающей действительностью и нормами поведения. Концепты «раскол» и «странничество» как глобальные мыслительные единицы, квант структурированного сознания, отражающий мировосприятие носителей языка и представление о мире, а также конструирующие мир, отличает сложная структурная и смысловая многослойность, а также особая напряженность в применении оценочного фактора.

Специфику вероучения старообрядцев-странников составляет проповедь необходимости и правомерности для истинных христиан побега из царства антихриста, мира, «поврежденного» злом. Наступление царства антихриста странники связывали с реформами Петра I. Но и после смерти Петра I, по учению старообрядцев, царство антихриста не исчезает из России, а передается от монарха к наследнику «до скончания века».

Слово *раскол* традиционно ассоциируется в русской культуре с представлением о религиозном конфликте середины XVII века, поскольку именно с этого периода *раскол* становится активно употребительным словом, хотя прилагательное *раскольнъ (-ьи)* отмечается уже в Супрасльской рукописи в значении «несогласный, сомневающийся» [1, 575].

Ядерная часть концепта представляет собой антиномический характер, важнейший его признак – наличие бинарной оппозиции: *раскол* – *мир, союз, любовь*.

Оппозиции позволяют увидеть имплицитную и эксплицитную части концепта, функционирующие одновременно. Обе эти части, в свою очередь, позволяют выявить связи в структуре концепта.

Для реконструкции семантического основания и осмысления номинации необходимо обратиться к экстралингвистическим данным. В 1745 году появляется указ царицы Елизаветы Петровны, запрещающий старообрядцам именовать себя староверцами, пустынножителями и скитскими общежителами, устанавливается единое для них наименование *раскольник* [2, 326]. Кроме того, во время второй и третьей ревизий старообрядцы были обязаны сами подавать так называемые «скаски» – прошения о записи в раскол, обозначая в них себя «раскольниками». Заметим, что посредством записи в раскол правительство предлагало старообрядцам легализацию, однако на достаточно жестких условиях.

Следствием проводимых правительством мер в старообрядчестве явилась острая дискуссия о допустимости записи в раскол. Старообрядцы-странники выступали с осуждением «записных» и доказывали в своих сочинениях неприемлемость для истинных христиан раскольнического именованья.

Для старообрядцев-странников, или бегунов аллоэтноним *раскольник* приобрел концептуальное значение. Бегуны так раскрывали содержание понятия *раскольник*: *раскольник* – это *еретик, отступник* от православия: *еже по лексикону, раскольник, то есть раздорник, отступник, отщепенец; тем же убо аще раскол зказуется по апостолу ересь, и раскольник еретик нарецися праведно от сего приразумевается* [3, лист 185]. Именно такой смысл был вложен в эту номинацию представителями официального православия.

Раскол и его дериваты, активно используемые в текстах старообрядцев-странников, могут соотноситься с разными языковыми смыслами. В соответствии с этим можно выделить следующие компоненты структуры концепта *раскольник*: *церковный разградец, развратник, развращенец церковный, неединомысленник, несогласник, отступник, отщепенец, расколотворец, рассеченец, еретик, раздорник, несоюзстник, которнин*.

Причины церковного раскола авторы-странники объясняют следующим образом: два образа раскола церковного (по златоусту) известующа. едино убо егда изсякнем любовию, другое же, егда недостойная творити ко оному телу дерзнемъ [4, лист 70]. То есть, одна причина в пресечении любви, а другии в догматехъ [4, лист 72].

Сами странники используют следующие автоэтнонимы, которые противопоставляют аллоэтнониму *раскольник*: странствующие, пустынники, пустынножители, истинные христиане, рачители: *есть мы не расколници или сектоводцы, якоже сынъ погибельный глеть: ибо мы расколу въ вере со стыми никакого несотворимъ, и творити весьма ужасаемся* [5, лист 61]; *мы, милостию бжиею христиане, състранствующие, за имя иса хрта въ здешней сибирской стране* [6, лист 1].

Авторы предлагают и свой путь преодоления раскола: *раздор и несоюзство возможно решить соборне; неисправности соборне решити* [4: лист 4]; *вредности и недостатки исправить* [4, лист 5]; *церковь очистить, мир чинити* [3: лист 185]. Расколу, таким образом, противопоставляется мир и соборное исправление грехов.

До сегодняшнего дня ни один старообрядец любого согласия не позволит называть себя раскольником, т.к. *раскольник, иже не приобщен есть к соборной церкви, по алексее архидиякону и по правилам святых отцов свидетельству* [6, лист 12].

Следует отметить, что *раскол* не является константой только русской культуры. Само согласие *бегствующих* появилось в результате отделения от так называемых филипповцев, отличавшихся особой строгостью устава. Последние, в свою очередь, в первой половине XVIII века отмежевались от Выговской пустыни из-за несогласия с введением руководителями Выга в церковную службу богомолія за правящего государя. Странники создали свое согласие с еще более строгим уставом после отказа ли-

дерами филипповцев исправлять свои прегрешения, то есть после того, как предложенный им путь преодоления раскола был отвергнут.

Несмотря на это *раскол* не мыслится старообрядцами как хронотоп действия, не воспринимается как изменение, эволюция. Раскол как «разделение» всегда осмыслился старообрядцами негативно, болезненно, как отклонение от нормы.

Примечательно то, что в современном русском языке в связи с утратой актуальности аллоэтнонимической доминанты слово *раскольник* сужает сферу употребления. Уже В. Даль в своем Словаре приводит для данной лексемы только одно значение: «отступленье от учения и правил церкви»; *раскольникъ* – «отщепенец по вЪрЪ, отпадший отъ своей церкви, исповѣданья» [7, 59-60].

Следует подчеркнуть, что номинируемая данным словом концептуализация жизни современного человека продолжает бытовать, как и *раскол* продолжает быть фактом, отражающим мировоззренческие и поведенческие модели поведения не только русского человека. Таким образом, слова *раскол*, *расколичество* имеют социально значимый компонент человеческого общества.

Если для XVIII века характерной была онимизация апеллятива *раскольник*, то в современном русском языке произошел обратный процесс, приведший к сужению сферы употребления данного слова, однако не утрате самого поведенческого факта.

В настоящее время можно наблюдать семантическую деривацию глагола *расколоть*. Данный глагол имеет производное сленговое значение: *расколоть кого-то на откровенность, ослабив чье-либо сопротивление с помощью насилия или каким-то другим способом, получить требуемую информацию*. В данном случае объектом, участником ситуации, актуализируемой глаголом, становится уже один человек, вместо множества людей [8, 74]. Таким образом, анализируя данную лексему в диахроническом аспекте, выявляя динамику концепта, мы видим как меняется словарное обозначение действия и деятеля и социальное ситуативное варьирование концепта. Можно утверждать, что сегодня раскол становится все более востребованной реальией, все чаще появляется в политическом дискурсе. В современных средствах массовой информации *раскол* оценивается как идейная трещина, конец союза.

Раскол как и *странничество* являются понятиями специфическими для старообрядцев. В то же время это общечеловеческие понятия, выражающие универсальные сущности. *Странничество*, как добровольный уход из мира, является константой не только для данного конфессионального объединения, но входит в концептуальную картину всей русской и мировой культуры [9, 181].

Пространственная концептуализация мира и вербализация соотносимых с пространственными концептами категорий и понятий в текстах старообрядцев-странников, несомненно, строится на влиянии факторов христианского вероучения. Как носители когнитивной базы христианской культуры, старообрядцы различают материальное и идеальное пространство. Духовная жизнь старообрядцев также взаимодействует с пространством, например: *во благочестие приходях* [4, 79]; *въпадше въ нечестие* [4, 79]; *отторгъся въ нечестие* [4, 78]; *о нынѣшнѣй прелести...взойдемъ в познание ея* [3, 218]. Данные имена имеют «пространственную» семантику – описание необходимого следования поведенческой норме, они также являются элементами пространственной ориентации. *Благочестие vs. нечестие* могут пониматься не только как свойства, но и как «пространство поведения». «Пространственное» понимание слов, называющих добродетели и пороки, отражает не пассивное нахождение (=состояние) субъекта, а подразумевает активность и ответственность субъекта, т.е. данная модель обладает яркой деятельностной семантикой [10, 275].

Особой концептуальной значимостью в сознании странников обладают альтернативные пространства царства Бога и царства антихриста. Если царство Божие – духовно осмысленная реальность, т.е. умозрительное пространство, то царство антихриста выражено локально, его местоположение определено в физическом мире. Это территория, управляемая царем, земное государство, ограниченное пространство: *здѣ ли*

обращемъ явно содержащееся блгочестие. то нигдѣже, но развѣ въ тайнѣ. то чтоже, обращемъ ли навостоцѣ, гдѣ прежде начали блгочестие бысть, аще и ннѣ восточною црквию именуется и православными христианами нарицается, нточше зримъ древле восточнѣи цркви во всем отступление. но чтож увидим и на западѣ, гдѣ прежде апсльское блгочесие сияло, еже и ннѣ апсльскими престолонамѣстниками нарицается, хотя, между себѣ наразные секты и раздѣление имѣетъ nobлгочестивыми и православными христианы себѣ именуют...и тоже и в велицѣи России узримъ... [3, 218].

Основной постулат странничества – уход из мира антихриста ради спасения своей души. Бегуны обосновывают странничество предыдущим христианским опытом: сам Христос *странень бѣхъ* [4, лист 23]; *зане истши тако отзмия, тако отсмущения мирскаго бѣгающе, и странственное возлюбиха странствовавашаго насъ ради* [4, лист 25-26]. Странничество осмысливается как нравственная категория, направление жизни, которого следует придерживаться праведному христианину, ибо: *в царство антихриста не быть цркви и спасению в мятежном мира сего жителстве, но в бѣгствѣ токмо* [6, 3]. Странничество не только доминантативная дефиниция у бегунов, странник – «вечный образ русской жизни (константа!)» [9, 183], «своего рода духовный подвиг, один из путей спасения наряду с монашеством или юродством» [11, 110]. Семантические компоненты перемещения, направления не всегда присутствуют в текстах странников явно, однако они могут выражаться имплицитно, т.е. принадлежать не собственно семантике речевого произведения, а тем пресуппозициям, которые непосредственно связаны с этой семантикой.

«Уход» в модусе субъекта осмысливается как послушание, подвиг, так как уход осуществляется из устроенных, удобных мест и обрекает человека на лишения, мытарства: *а которш же не могуще мучения терпѣти. та оставляющее дома и имена. и скрывающееся по разным градом. и бѣгающе в непроходимыя мѣста. и тако соблюдающее древнее блгочестие невредима. сице и в гонениш. сице и в злостраданши* [3, 219].

Для старообрядцев-странников уход из мира антихриста – это не просто вызов. Это активное социальное действие, потому что уход предполагает борьбу с царством неверия, неповиновение злу и обличение власти неверных, то есть странничество активное, деятельное: *небесловесно мы скитаемся, истранническое претѣрпѣваемъ житие. Скитаемся убо, и бгородное житие живемъ трехъ ради сицевыъ винъ* [12, лист 130].

Странники осознают свою миссию – открыть глаза людям, не ведающим зла. Странствование человека влечет за собой видение масштабной архитектоники мира, динамики пространства. В результате перемещения по обширным пространствам происходит приращение знания об эмпирических объектах.

Постулат активного обличения, борьбы длительное время был центральным в учениях старообрядцев, и только в советское время заменился установкой на сохранение истинно православной веры в окружении всеобщего безверия. Таким образом, мы видим, что «спокойное блаженство» в пространстве ухода никогда не предполагалось старообрядцами. В любом мире от истинного христианина требуется напряженная духовная работа. Странничество же является добровольным выбором, цель которого есть служение Богу. А это, в свою очередь, духовный труд с атрибутами лишения, мытарства.

Основными элементами пространственной ориентации для странников являются, казалось бы, стандартные знаки: горизонтальная и вертикальная протяженность, «точка исхода», «конечная точка», путь как траектория движения, соединяющая проходимые субъектом движения начальную и конечную точки. Тем не менее вербализация данных пространственных категорий позволяет увидеть специфичность их восприятия старообрядцами.

Перемещение в пространстве является концептуальной доминантой членов данного согласия. Анализируя предложения, в которых присутствуют предикатные слова с семантикой перемещения, мы видим выражение элативного характера движе-

ния субъектов. Субъект перемещения всегда уходит от кого-то или чего-то, обосновывая *от кого и почему он уходит: от нечестивых отделишася* [4, лист 79]; *яко бы мы от общества христианъ отлучаемся* [3, 217]; *аще же и христианами православными нарицаются: но обаче отединого нарицания сущими и правобрующими быти немогутъ, зане непослѣдуют древлеблагочестивой цркви учения, но послѣдуют еретическим мудрованиям* [3, 221]; *оттаковыхъ писание удалятися повелеѣвает* [3, 218]. Заметим, что исходная точка движения определяется локально, являясь элементом физического мира. Конечная же точка перемещения, напротив, не локализуется в страннических текстах. Она может обозначаться как «царство Господа», например: *и всѣмъ намъ к нему прибегати* [4, лист 221], или: *мы предания стыхъ оцъ держимся и на стоящаго града и села неимеемъ но грядущаго взыскуемъ* [5, лист 11].

Конечная точка – царство Божие – находится не в физическом (географическом) пространстве, а в пространстве умозрительном. Таким образом, точки исхода и прихода оказываются, по сути, в разных пространствах. Конечная точка движения (*куда именно* происходит движение) остается неопределенной в реальном пространстве, поэтому бегун-странник становится вечным странником. Идеальное пространство остается для него недостижимым в реальной жизни. Движение определено по направлению «вперед» и никогда – по направлению «обратно». Неполная номинализация задает особый, страннический модус осмысления мира, при котором конечная цель движения выражается как объект умозрительного пространства. Движение, таким образом, концептуализируется в другое пространство, однако без точек прибытия. Другое же пространство закрыто, не может быть выражено, оно труднодоступно, путь в него известен только избранным.

Любое восприятие пространства предполагает выделение его в некоторых границах. В осмыслении пространства для странников также значение имеют так называемые пределы, внутри которых и помещается осознаваемое пространство: «конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности» [13, 93]. Пределы для странников обязательно включают определенные локализованные участки, ориентиры пространства и их качественные различия.

Для бегунов границы пространства определяются прежде всего умозрительно, методом отрицания. Выделяется, например, типичная область царства антихриста, в пределах которого не может существовать истинный христианин. Для последнего необходим выход за пределы этой области. С другой стороны, пространство, необходимое для жизни благочестивых христиан физически в старообрядческих текстах не обозначается и фактически остается без референта. Альтернативная область существования здесь не выражена семантически. В предложениях типа *въ неже время бѣгствуемъ бѣ и от всѣхъ изгоняемъ* [4, лист 173] речь идет о ненаправленном перемещении, где нельзя определить ни начальную, ни конечную точку движения, ни траекторию перемещения, нельзя определить признак «направление». В подобных случаях мы наблюдаем лишь манифестацию странничества, где обозначается лишь пространственное перемещение, передвижение, но не его результат.

Путь и поиск идилического мира, мира отдаленного труден, рискован, полон лишений. Это понимают старообрядцы-странники. Но у них нет страха перед новыми местами и новыми испытаниями, нет уныния, отчаяния, страха неведомого пространства. Зато есть непримиримость с миром нечестивых. Страх перед служением дьяволу у бегунов сильнее страха ухода из обжитого места. Поэтому они осуществляют добровольный уход во имя служения Богу, ради спасения души.

В реальности происходит расширение обширного пространства, физическое его освоение. «Свой» мир старообрядца распространяется на более дальние пространства. Освоение их происходит на основе уже известных параметров. Все видимое, наблюдаемое осмысливается бегунами в пространстве физическом. При этом духовное (Божие) может быть и земным: скиты, пустыни, житие странственное, то, что угодно Богу и на-

ходится под его покровительством. Физическое (не-Божие) – это вещи временные, это церковь великороссийская и мятежное житее мира.

Важным представляется то, что восприятие пространства старообрядцами по принципу выделения участка в некоторых границах может быть осуществлено и на основе чувственного восприятия. Чувственное ощущение пространственных координат в этом случае служит семантическим основанием оценок: *правду на неправду превращати* [4, лист 4]; *познать путь правый* [4, лист 174]; *приемлют слово гдне и бесове и члвцы лукавиш* [4, лист 221].

В основу пространственных образов в старообрядческих текстах положена экспликативная оппозиция. Ключевая оппозиция по вертикали детерминруется понятиями *верх – низ*: *умь нацъ оустроень бгомъ прсно нагорня восходити, и небесная мыслити, а непоземли влачитися* [4, лист 20]; *яко небо от земли отстоитъ* [4, лист 77]. В данной оппозиции *небо* и *земля* – противопоставление и одновременно единство двух частей одного мира, как, например, *добро* и *зло*. Человек же свободен делать выбор между подобными оппозициями.

У старообрядцев-странников, таким образом, преобладают несовместимые, но в то же время сосуществующие когнитивные модели – изоляция от мира и необходимость коммуникации. Изоляция осмысляется при этом старообрядцами как единственный способ сохранения чистоты веры и себя как истинных христиан. Старообрядцам-странникам приходилось все время балансировать между двумя важнейшими человеческими ценностями: включенностью в общественные отношения и независимостью, осознанием себя как личности, способной реализовать божественный замысел. Данная позиция способствовала укреплению воли и эвокационных способностей человека.

Итак, изучение реальных языковых манифестаций в синхроническом и диахроническом аспектах позволяет выявить механизмы и стратегии развития литературных языков и национальной культуры, влияние языковой компетенции на ментальные процессы его носителей, коннотативность духовных ценностей. Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность ментального кодекса старообрядцев-странников, универсальность их концептосферы базируется на универсальности ментального осмысления внутреннего и внешнего мира человеком, мира, наполненного реалиями и общечеловеческими целеустановками. Оригинальность же, самобытность, уникальность концептосферы старообрядцев-странников обусловлена оторванностью последних от мира чуждого, сиюминутного, балансировкой между отчужденностью от враждебного общества, с одной стороны, и включенностью в общественные связи и отношения, – с другой. Разрыв между двумя сферами логически обоснован, связан с общественными факторами, обусловлен данными факторами, имеющими прямое отношение к языковой и концептуальной картина мира социумов, сферам ментальности и оценки. Данная проблема интересна по своей сути и требует специального изучения. Дальнейшее детальное исследование намеченных проблем, проявляющих особую, специфическую область ментально-информационного пространства старообрядцев-странников как ярких представителей одного из значимых религиозных течений, представляется перспективным.

Список литературы

1. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Э. Благова, Р.М. Цейтлин и др. – М., 1999.
2. Полное собрание постановлений и распоряжений по вѣломству православного исповѣдания Российской империи. 1744-1745. Т.2. – СПб., 1907.
3. Ответы Архангелогородских староверцов, XVIII в., РГБ, собрание Ундольского, ф.310, № 510.
4. Сборник старообрядческий, РГБ, собрание Ундольского, № 511.
5. Цветник, РГБ, собр. Барсова, ф.17, № 950.
6. Сказание о происхождении страннического согласия, РГБ, собр. Барсова, №858.
7. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. – М., 1980.

8. Розина Р.И. Глагольная метафора в литературном языке и в сленге: таксономические замены в позиции объекта // Русский язык в научном освещении. – №1. – 2003. – С. 68–84.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004.
10. Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000.
11. Тарабукина А. Странники и паломники // Знание – сила. – №10. – 2005.
12. Тестамент наказательный, частное собрание при старообрядческой церкви (г. Новосибирск).
13. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000.

RUSSIAN LANGUAGE WORLD AND OLD BELIEF TEXT

S.J. Nagornaya

I.A. Nagornyy

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
nagornyy@bsu.edu.ru*

This article discusses ways to verbalize in the writings of the Old Believers important for the Russian linguistic picture of the world's cultural constants "split" and "wandering" organizing ontological conceptual native speakers, forming the identity and nature of the relationship of man to reality, and the rules of human behavior in society.

Key words: Old Believers, text, language world, concept.